Анфимий два года просидел за стенками исправительной колонии. За это долгое время ему приходилось терпеть издевательства, пытки, моральное и физическое давление. Сокамерники, откровенно, его не любили, и при каждом удобном случае обесчеловечивали его. Трудно сказать, сохранил ли он полноценный рассудок после всего этого ? В последнее время он ютился на земле за нарушение неких, по его мнению, несуразных законов. Он знал, все это было наверняка подстроено колонией, все это дело рук тайной полиции, но от собственного бессилия мог едва ли держаться. И как бы подтверждая эти предположения, как и десятки раз до этого, его вытащили из этой дыры и привели к одному из жандармов для очередных допросов. Он безмерно устал. Он бы покончил жизнь самоубийством, но он истинно верил в свое предназначение, он истинно считал себя непризнанным героям... неудачником, но героем. И вот, думая о том, что из него собираются вновь выбивать показания, социалист выкрикивает разного рода оскорбления, тем приглушая свою собственную боль. Как и всегда, ответом ему служило безразличие его заточителей. Бессмысленно. Не долго вопя, он обреченно замолкает. Жандарм все это время вел себя вполне сдержано и в конце концов попросил освободить социалиста.

- Свободны, я хочу поговорить с гражданином Бесценковым.

- У меня более нет ничего, о чем бы вы могли не знать. - хрипя и провожая сопровождение хищническим взглядом, едва слышно говорил Анфимий.

- Ну-ну, не торопитесь с выводами. Словом, как вам у нас ? Небось рады. А я читал, понимаете ли, все думал о вас все эти дни. Утомился молясь, пока вы бессовестно поносили наши бравые службы - Жандарм передает Бесценкову небольшую папку с документами - Прошу. Поймите, достаточно обидно слышать от вас столь гнусные обвинения в свой адрес. Кстати, это должно сделать вас несколько более склонным к разговору.

- Ну, и зачем мне это ? - Он открыл папку, а после обомлел - Это...

- Именно. Мы вам выдадим новые документы и некоторые денежные средства, - Он замялся на пару секунд, собирая слова в предложения, не решаясь раскрыть самого главного - ...а по завершению вам позволят покинуть страну.

- Но я не могу этого сделать. А партия ? Меня ведь больше не примут после всего, что произошло !

- Об этом можете не беспокоиться, в ваших руках есть весомый аргумент на всякое подозрение.

- Хорошо, я сделаю это. - Мог ли он вообще отказать ? Руки от одной только мысли, что он более не вернется в сырую камеру со снующими крысами, что он более не разделит ложа... - только это, лишь сия незначительная в сравнении с тем, что на самом деле ему даруется, вещь стала причиной дрожи в руках и слез в уголках глаз.

- Вот и славненько, голубчик. - Он постучал по двери и впустил вошедших конвоиров - Принесите гражданину одежды и дайте ему наконец принять душ - смердит, дышить невозможно.

Поверить в произошедшее было все равно, что лишиться рассудка. Он уже был в таком же мироощущении, но это... это было просто непостижимо. Наконец у него появилась надежда, и он даже не сомневался, берясь за предложенное ему грязное дельце. Вот так, побывав в закромах, хранящих кошмары миллионов сограждан, не подозревающих о существовании такового вместилища - филиала ада на земле, он отдал все свои прежние убеждения, все свои индивидуальные черты, всего себя, только бы обрести свободу. Свободу ? Хозяин сего

сценария, в действительности его непосредственный участник-актер, дорогой и всеми любимый офицер тайной полиции остался наедине со своими собственными мыслями. Он прежде думал о наказании своем, но таперше совсем смирился с ним и отказал себе в свободе. Он стал не меньшим узником, чем Анфимий. Боялся он, что увяз в сей трясине куда больше его.

1910 год 15 сентября по общему календарю, Лифляндия

С рассвета мы с отделением магов вылетели на разведку. Погода была пасмурной, на земле была толща перегноя и ни одной живой души. За прошедшее с первых боев в Лифляндии время нам удалось перехватить разрозненные и плохо оснащенные силы красной армии. Их удаление друг от друга, небоеспособность и низкая мораль, а также допрос выявил отсутствие какой-либо адекватной связи со штабом. Глупо разбредаясь, они походили на сыр в затеянной ловушке, однако этого не подтвердилось. Захватив в плен эти вооруженные единицы, мы продвинулись достаточно глубоко в Лифляндию, чтобы быть уверенными в скорой победе на этом участке фронта. Катком наши силы прошлись по всей территории неприятеля, множество городов остались позади, бои в Лифляндии - по всей видимости, тоже. Один рывок на Ригу, столицу самопровозглашенной республики - и мы передислоцируемся в Беларусь. И вследствие этого каких-либо надежд на нашу сегодняшнюю вылазку в тыл противника никто не возлагал. Наконец можно было вздохнуть с облегчением и провести время в свое удовольствие. Летели мы впереди с Даниилом, с которым в прошлый раз мы несколько, как мне тогда показалось, рассорились. В голове возникал разговор под стук колес, и хотелось куда-нибудь укрыться от вновь мучавшей меня стыдливости.

- Слушай... - В непривычно сконфуженном состоянии начал я - Ты меня прости за тот случай, я не со зла. Я признаю, что тогда не понял тебя, и это все по моей глупости произошло - Меня некоторое время беспокоили мои отношения с товарищами по оружию. Учитывая все ранее услышанное, мне вряд ли доверили бы свои жизни из уважения или признания, тем паче зная, какой из меня выходит им друг. И не в уважении или признании даже дело, я бы не хотел далее накалять обстановку, вызывая к себе недоверие, да и кому бы не хотелось обыкновенных человеческих отношений ? Объясниться и завязать какой-никакой разговор, должно быть, не лучший из возможных вариантов, но на него я всегда уповал, и он, как бывало, выручал.

- Что было, прошло, не думай об этом - Он не поворачиваясь, продолжал лететь по прежнему курсу. Словно то вызвало во мне сомнение, с моего языка слетела очередная стайка надоедливых суждений.

- Я понимаю, все в страхе дело. Всем нам не чуждо это чувство, и каждый из нас справляется с ним по-своему. И ты, говоря тогда о комми, стало быть, имел ввиду тот самый страх...

- Да.

- Да.

- Саша, тебе никогда не казалось, что мир не вертится вокруг тебя ? - Он наконец обернулся и взглянул в мои глаза - Маша, Ребров, этот старый подполковник - как его там ? - все они мухами кружат вокруг тебя, а тебе это в сласть. Быть может ты не имеешь злого умысла, но ты даже не подозреваешь, какое зло таится в твоих словах. Если хочешь, подумай над этим !

- Извини я не... - Я поперхнулся на этом слове - Я понимаю.

- Как я сказал, все прошло. Не думай об этом, делай то, в чем хорош.

Десятком минут позже тишину разорвал взволнованный голос одного из летящих сзади магов - Взгляните, на два часа - что-то движется.

- И в правду, Саш, Даня, какая-то бурная активность !

- Подождите, дайте мне взглянуть - я достал бинокль и узрел марширующую колонну красной армии - Следует доложить об этом в штаб немедленно. Улетаем.

- Пока наши основные силы подойдут, они успеют закрепиться - и все выйдет так, как в Шваненбурге. Нельзя дать им столько времени ! - Данил сказал это так быстро, как только мог.

- Что ты предлагаешь ? Хочешь бой им дать ? Нас здесь всего пять человек, очнись !

- А над городом было двадцать, это что-то меняет ? - Он побелел.

- "Подумать"...

- Саш, я серьезно, надо действовать решительно.

Не оставляя и минуты на размышления, мне пришлось спешно принимать все "за" и "против". С одной стороны рисковая авантюра, но с другой - если действительно все выйдет так, как в Шваненбурге ? Не теряя времени на дальнейшее осмысление, я отдал приказ уничтожить колонну неприятеля. Спеша поскорее очутиться в удобной точке для обстрела, мы даже и не заметили, как нас засекли. На земле возвели спешную противовоздушную оборону. Памятуя опыт прошлого, мы не восприняли всерьез их потуги и уже были над ними, когда по нам открыли первый залп. От неожиданности кто-то растерялся и даже не наложил надлежащие формулы. Кто-то вскрикнул, а после понесся на землю.

- Блять ! - Выкрикнул Даня и устремился за падающим, но то было только начало. С новой силой загудели пулеметные установки на земле. Не имея возможности удерживать достаточно прочную защиту, ему пришлось подняться, а мне, напротив, устремиться спасать раненного. Авантюра. Откуда у них такая хорошая подготовка ? Как так быстро были созданы такие силы ? Какого хуя я вообще вляпался во все это ?

- Стреляйте ! Они вас не достанут ! - Выкрикнул я им, пробиваясь сквозь свинцовый дождь. Умоляя всех известных мне богов, чтобы не разбиться насмерть в процессе поимки пострадавшего, я удерживал щиты, покамест хватало сил. Дотянувшись, наконец, до руки бедолаги, я постепенно сбрасывал скорость, взирая на приближающуюся земную твердь. Было до чертиков страшно. Я был удивлен, доколе будет держаться мой мочевой пузырь ? Но вот, когда до земли оставалось ничтожно мало, я сбросил всю скорость свободного падения и даже начал подниматься. Но не тут то было ! Выстрелы с новой силой ударили по щитам и пробили их. Одна из пуль прошла сквозь ногу, вторая угодила куда-то в брюшную полость и прошла также навылет. - Живой ? - Успел я сказать, прежде чем ему пробили черепную коробку. Я все еще держал его, покамест из головы несчастного вытекала каша из мозгов. И не способный отпустить труп своего товарища, будучи свидетелем кончины его, я онемел. Это казалось нереальным. Так близко. Я был весь в крови. Его голова просто взорвалась ! Пусть я и не знал его, он не был моим другом, не был даже хорошим знакомым, но он умер, оставив незримый след на моем сознании. Я все еще смотрел на лицо покренившейся набок головы, когда то, что осталось от человека, улыбнулось. В ином другом случае я не мог бы сказать, привиделось ли это мне, но после то, что было некогда юношей, беззвучно проговорило. Я мог поклясться, что знал, о чем оно говорит, несмотря на то, что Это просто шевелило губами.

- ИС-ПРА-ВИЛ.

Я отпустил его тут же. По телу прошла лихорадка, меня затошнило. Затуманивая взор, возник пред взглядом моим красочный узор, составленный из неизвестных символов. Он закружился в вихре, как будто бы унося меня из сей реальности, но я слышал, как вновь и вновь моему восстановившемуся щиту удается сдерживать шквал огня, а по телу распространяется жгучая боль от ранее пролетевших насквозь пуль. Подсознательно я владел всем этим языком, но сознание отказывалось принимать за часть мироздания представшую пред очами моими картину. Некогда оно уже было видено мною, но лишь на мгновение, как быстро развеянный трезвостью сон, - ныне оно поглотило меня с головой. Мне трудно было сосредоточиться на пролетающих и сверкающих знаках, как и было невыносимо слышать монотонный скрежет моего щита. Я едва пребывал в сознании, когда невидящим взглядом указал путь скрывающейся в знаках силе. Она вывернула меня наизнанку, выбросила в обратном от направления той всеразрушающей мощи моего выстрела. Со скоростью света он пронзил тонкую кожуру земной коры и запустил в небо тщетно сражающихся за свою жизнь солдат. Те, кому посчастливилось умереть от взрывной волны, не видели, как наполовину обуглившиеся, наполовину изодранные в клочья калеки, приземлившись оземь, скребли загоревшуюся землю и молили о своей смерти. После я лишился способности слышать, потерял напряжение в мышцах, лишился контроля над потоками окружающей меня маны и устремился сам на сожженную землю, некогда погребенную под золотой россыпью листьев. Лишь краем глаза я уловил, как десяток точек в небе устремились в мою сторону, а после вовсе потерял сознание.

***

По улицам Твери словно бы прошлась чума. И без того не самый многолюдный городок вмиг опустел, только пришли известия о начавшейся революции. Когда-то все смеялись над фривольными социалистами, ходили о них всякого рода неприличного содержания анекдоты, распространялись иллюстрации, высмеивающие их. Быть социалистом - все равно, что быть гомосексуалистом. Их коммуны, их свободные отношения, непристойности, царящие на этих странных и загадочных собраниях. Как они доселе полагали, себя сами утешая - подростки с дуру бесятся ! Но вот минули десятилетия, социалисты не то созрели, не то сменились, не то банально заскучали, и они - минуло два года - подняли свое первое значимое восстание. До сего были покушения - сколько славных ребят было одурманено этим ядом ! - убивали и царя, и чиновников, и министров - одного совсем недавно спасли. Некогда смешные и неказистые, каким-то непостижимым образом они ныне творят свои бесчинства на западе их страны. Неспокойное время. Те, кто все-таки бывал там - кто спасся, кого привезли из их плена - ведали о шествии красной армии в Малороссии, Белоруссии, Польше: о надвигающейся смуте, маги которую своими хрупкими тельцами ограждают от мирно спящих толстосумов-бояр. И с каждым подобным рассказом в жителях не только этого, но многих других городков закрадывался страх пред неизвестным. Дети, ломящиеся в стан врага, дети, чьи невинные лики измазаны во внутренностях братьев их - это не внушало надежды. Они не выстоят ! И этих бояр, спрятавшихся за своими родными мальчиками да девочками, за их увенчанными ангельскими крыльями спинами, - их волнует ситуация, в котором оказалось государство. Больше только озабочены только купцы, которые вовсе не влезают своими обрюзгшими телами за спинами бояр. Их дело в опасности, они страшатся будущего, сетуют на беспомощность государя. Идущая на западе война сильно отражается на образе жизни, все более отнимает она спокойствия, дарует взволнованность. Им чудится, будто бы социалисты скрываются под масками их друзей и знакомых. Они подпадают под власть паранойи. Гидра тайных обществ в этот день подняла свои головы, грозясь откусить кусочек у нерасторопных и невнимательных прохожих. Серые и неприветливые виды города в эту пору еще более скверны и неестественны. Сама смерь ваяет в грязных переулках их погибель. Страшное лицо ее оскалилось в ужасающей улыбке, ее прихвостни вот-вот обретут материальное тело, вот-вот утопят всех их,

невинных и в сию минуту беззащитных, в луже от отпечатка сапог целой орды нечестивых. Молчание. Целомудрия придерживаются пасти стражей правопорядка: не разорвется плева девственной тишины, не родится из нее щебетание очередных ободряющих речей. Печатное слово - и то маневрирует, угождая не то в светлое будущее их, не то в мрак замогильный. Скажите, ну как в этом неведении вести дела свои ? как выходить из дому своего на рынок или же к колонке за водой ? Ведь переполняется ужаса те умы, что лишены всякого зрения на тот или иной вопрос. Им свойственно преумножать свой страх в сотни и сотни раз, только бы предугадать поджидающий их за очередным поворотом казус. А страшно ли то в действительности ? Может ли так оказаться, что впереди, кто бы не одержал там в решительном бою победу, их ждет, пусть и неприятное, но то, что все еще возможно пережить, чего ты, случись оно, все таки не испугаешься, завидев посреди дня на оживленной улице ? Быть может, и купцам, и простому люду не время прятаться и поджимать свои хвосты ? Быть может, вздор все то и нелепая чушь - что говорят на кухоньке меж семьями ?

Мария Дмитриевна, мать Александра, в эту пору обитала в своем извечном жилище, постоянно обветшалом, завсегдатай чужом. С тех пор, как уехал ее единственный сын, в квартире стало еще более пусто. И пусть она небольшая, по вечерам лучащийся из электрических ламп раздражающе желтый свет приводил ее в ансамбль всевозможных переживаний и скорби. О Боже, какие социалисты, какой царь ?! И если она не выходила по вечерам, чтобы набрать воды, то только потому, что уже не первый год на их улице свершаются богомерзкие злодеяния. Спелась полицая и воровской сброд - это насущная проблема ! Нет, если она переживала за судьбу России, то только потому, что от того непосредственно влияло, кем будет ее сын и что с ним станет. Она бы не переживала, если бы завтра к ним пришел в город враг. Врагом для нее был, пожалуй тот, кого родименький сынишка не любил. А он - она знала - был такой невинный и с тем до ужаса наивный, что любил каждого ! Она боялась отпускать его в университет, беспокоилась о социальном положении своем. Она часто корила себя за то, что не смогла некогда обеспечить лучшую долю для сына, но что теперь горевать ? Уже как два года ей приходят постоянные посылки с игрушками и деньгами на жизнь. Она не могла и мечтать, что так рано ее сын станет таким самостоятельным и пронесет свою мать сквозь все боль и невзгоды на встречу к лучшей судьбе. Конечно же, она была религиозна. Она не могла просто принять эти игрушки, а тем паче деньги. Каждый день она ходила в сиротский приют, делала всяческие подношения, только бы Боженька уберег ее сына. А когда случилась эта революция, ее сердце разорвалось. Теперь частыми стали боли в груди, отчего ей сталось тяжелее ходить на городской рынок, чтобы закупить продукты, много сложнее хлопотать по дому, как в бытность свою, еще при муже привыкла. Она по-настоящему боялась. Клялась ведь, что сыну даст все лучшее, а так глупо вышло ! Так глупо и несуразно ! Такова доля. Очевидно, ей не были интересны сплетни, она бы оставила всю эту мирскую суету, но не могла. Ежедневная рутина была единственной ее отдушиной в череде зимних деньков, в неразрывной цепи пронизывающих всю ее жизнь дум. Она всегда боялась, всегда была до общественного презрения робкой. Одинокой. Всегда думала. Что если бы она оказалась до того конфуженной, что лишилась бы и сих малых и, на взгляд обывателя, бесполезных мелочей, как работа ? Забравшая с улиц люд чума по-настоящему сморила бы ее.

Она запамятовала. Ее подлинное утешение - это письма, которые доходят до нее от сына. Скудно их число, но каков размах ! Она, правда, все меньше узнает сына, все меньше понимает его. Его подчерк, его манеры, его внимание к малым деталям. Неужели она потеряла сына ?! - в метаниях размышляла она. Последним письмом, что осадило ее, было вот то, что в сию минуту утонуло в складках ее платья. До чего же оно странно ! До чего же непохоже на сына ! Казалось, будто то писал совсем другой - нездоровое, бесчеловечное, отвратительное существо. Однако, всматриваясь в письмо, она находила себя на устрашающей мысли. Это. Ее. Сын.

http://tl.rulate.ru/book/62600/1770559